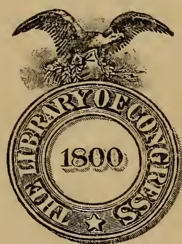

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

КНЯЗЬ

ЛУПОВИЦКІЙ

или

ПРІѢЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ.

Константина Аксакова.

ЛЕЙПЦИГЪ,
У ФРАНЦА ВАГНЕРА.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.

1857.

КНЯЗЬ ЛУПОВИЦКІЙ

или

ПРІѢЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

КОМЕДІЯ

въ двухъ дѣйствіяхъ съ прологомъ.

Константина Аксакова.

ЛЕЙПЦИГЪ,
У ФРАНЦА ВАГНЕРА.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.

1857.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Москва, Марта 16 дня, 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

КНЯЗЬ ЛУПОВИЦКІЙ

или

ПРІѢЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

(*Писано въ* 1851 *году*).

ПРОЛОГЪ.

(*Дѣйствіе въ Парижѣ*).

ЯВЛЕНІЕ I.

Особая комната въ Café de Paris. Князь Луповицкій, графъ Долонскій, баронъ Салютинъ сидятъ послѣ обѣда и курятъ сигары; передъ ними рюмки съ мараскино.

Долонскій (*Луповицкому*).

И такъ, завтра въ Россію?

Луповицкій.

Завтра.

Долонскій.

Ну, bon voyage. Но знаешь ли что? Ты потеряешь только время; temps perdu, mon cher. Пользы не будетъ отъ твоей поѣздки.

Луповицкій.

Польза будетъ, повѣрь мнѣ. Я удивляюсь только, и очень удивляюсь словамъ твоимъ; неужели ты такъ дурно думаешь о Русскомъ народѣ? Ты думаешь, что онъ не пойметъ и не приметъ Европейскихъ изобрѣтеній, открытій, идей, le progrès enfin?

Салютинъ.

Ecoutez, Луповицкій; ты ошибаешься, mon ami Я согласенъ съ Долонскимъ.

Долонскій.

Конечно, чего ждать отъ Россіи: tout un peuple de mougiques.

Луповицкій.

Soit; mais ça ne dit rien; c'est que.... Mais écoutez Messieurs, parlons russe, de grâce. Насъ какъ нибудь могутъ услышатъ здѣсь, мы говоримъ о Россіи откровенно; непріятно, неловко передъ, все же, иностранцами. Вѣдь Французы все же однако иностранцы. Къ тому же я собираюсь ѣхать въ Россію, надо же мнѣ упражняться въ русскомъ языкѣ; въ Петербургѣ, и можетъ быть до самой моей деревни, мнѣ не придется слова сказать по русски. А теперь мы, en petit comité, въ короткомъ пріятельскомъ кружку, стало можемъ говорить и по русски. Il faut profiter de l'occasion. И такъ, Messieurs, я прошу васъ исполнить мою просьбу и все говорить по русски.

Долонскій.

Il faut lui faire ce plaisir. — По русски, Салютинъ! Продолжай, Луповицкій.

Луповицкій.

И такъ, если наше отечество и не имѣетъ въ

себѣ такихъ достоинствъ, какъ Европа, такъ вѣдь оно все таки отечество. La patrie, Messieurs, la patrie.

Долонскій.

La patrie! Tout cela est bel et bon; но что значитъ la patrie? Я тоже люблю отечество: оттуда я получаю деньги. J'espère bien, que je l'aime.

Луповицкій.

Это одна сторона только, одна сторона.

Салютинъ.

Нѣтъ, Луповицкій, онъ правъ; одинъ союзъ съ отечествомъ, — это деньги, и конечно это важный союзъ.

Луповицкій.

Messieurs, позвольте! Je demande la parole.

Долонскій.

La parole est au baron Салютинъ; continuez.

Салютинъ.

Я не понимаю, Messieurs, о какой любви къ отечеству можетъ быть рѣчь. Это хорошо было прежде, въ старыя времена, но съ тѣхъ поръ мы ушли далеко впередъ. — Я, напримѣръ, — человѣкъ образованный: это я понимаю. Я люблю слушать Лаблаша и Гризи, поѣхать на балъ, гдѣ одно избранное общество, выслушать иногда лекцію d'un professeur en vogue, наконецъ отобѣдать здѣсь, однимъ словомъ

жить en homme civilisé, — это я понимаю; но какое тутъ отечество? Къ чему оно? Это все выдумки, годныя для черни.

Луповицкій.

Ingrat que vous êtes! Quel est le sang qui coule dans vos veines? Répondez moi, n'est ce pas un sang russe?

Салютинъ.

Soit; но къ чему же это обязываетъ?

Луповицкій.

Je vais vous répondre à l'instant. Есть на землѣ связь между людьми единородными? Понимаете меня — есть она?... Qu'est ce qui s'appelle un grand peuple? Hein? Не тотъ ли это народъ, въ котромъ всѣ члены тѣсно связаны? И эта связь, Messieurs, это любовь къ отечеству, l'amour de la patrie!

Долонскій.

Il y a du vrai là-dedans.

Луповицкій.

Отчего былъ силенъ Римъ? Отъ любви къ отечеству. — Pourquoi un état, est-il puissant? — Pour la même raison. Видите, Messieurs, что безъ этого чувства не было бы силы и независимости народной, не было бы независимости и Государственной, слѣдовательно не было бы и вашей независимости. — Voyez

l'océan; il est puissant, et pourquoi? — C'est que tous ses flots ne font qu'une seule masse, un seul mouvement, une seule puissance. Détachez un flot de son océan, — отнимите волну отъ своего океана, она сейчасъ дѣлается безсильною; вы можете перенести ее, куда угодно. А? Вы можете ее налить въ графинъ — да? Вы можете налить ее въ рукомойникъ, можете умыться ею, вылить, — видите. — Aussi, Messieurs, le peuple; c'est un océan; nous ne sommes, que des flots; какъ скоро мы отняты отъ своего океана, qu'est ce que nous sommes?

Долонскій.

Il a raison, Салютинъ; c'est qu'il a le don de la parole, cet homme. Ну, Луповицкій, voyons. Вѣдь наши мужики, вѣдь это развѣ люди? Знаешь, какое ихъ назначеніе? Ихъ назначеніе, чтобы мы, люди образованные, могли наслаждаться всѣми удовольствіями сивилизаціи, c'est le mot; чтобы я напримѣръ могъ жить въ Парижѣ, и между прочимъ, обѣдать въ Café de Paris. — Вотъ для чего мужики, чтобы намъ давать средства на всѣ сивилизованныя удовольствія; c'est leur mission sur la terre, il ne sont bons qu'à çà, et c'est encore trop d'honneur pour eux.

Салютинъ.

Правда. — Мнѣ пишетъ управляющій, что денегъ выслать трудно, что будетъ мужикамъ тяжело. Ma foi! я написалъ ему, чтобъ были высланы деньги;

я хочу жить, какъ живу, ни въ чемъ себѣ не отказывая, en homme civilisé, какъ человѣкъ гуманный, а больше ничего и знать не хочу.

Луповицкій.

Нѣтъ, Messieurs, я не согласенъ съ вами. Вы не правы. — Какъ, Messieurs, мы станемъ нападать на нашъ народъ за то, что онъ, бѣдный, лишенъ всѣхъ благъ Европейской сивилизаціи, за то, что онъ находится на низкой степени лѣстницы народовъ, за то, что въ немъ не могло еще явиться ничего возвышеннаго, гуманнаго, за то, что въ немъ только одни зародыши, что онъ, не можетъ назваться вполнѣ человѣкомъ даже? И за его нужду, недостатки, его жалкое состояніе, мы наградимъ его презрѣніемъ, мы не постараемся извлечь его изъ этого состоянія, въ которое поставила его исторія, мы не пробудимъ въ немъ религіозныхъ, человѣческихъ движеній, которыхъ въ немъ нѣтъ? Какъ, неужели мы такъ поступимъ? Oh, oh, Messieurs, Messieurs! oh, Messieurs!

Салютинъ.

On voit, que vous êtes patriote.

Долонскій.

Il est connu, comme tel.

Салютинъ.

Но думаешь ли ты, что твои усилія не останутся по напрасну?

Луповицкій.

Совсѣмъ нѣтъ! Но позвольте, Messieurs; avant tout, il faut poser la question selon moi.

Долонскій.

C'est juste.

Луповицкій.

Ну такъ, Messieurs, я долженъ вамъ сказать, что я считаю, что Русской народъ есть также часть человѣчества. N'est ce pas?

Долонскій.

Posons.

Луповицкій.

Posons. — Если Русской народъ часть человѣчества, то все человѣческое ему свойственно, n'est ce pas? Потому, что вѣдь это люди! Вѣдь Русской народъ тоже люди? Вѣдь все это люди, n'est ce pas?

Долонскій (*Салютину*).

C'est excessivement logique;

Луповицкій.

И такъ, Messieurs, вы согласитесь со мною, что къ Русскому народу, — дикому, положимъ, необразованному, положимъ, — однакоже къ нему можно привить просвѣщеніе Европейское. Главное доказательство, что все это люди. Европейцы люди, и Русской народъ, тоже, можно сказать, — люди, конечно

на низкой степени, конечно разница огромная, но все же это люди. Homo sum, et nihil humanum a me alienum puto.

Долонскій.

Sans contredit, Bah, vous connaissez le latin!

Салютинъ.

Comme vous cachez vos talents, Луповицкій.

Луповицкій.

Eh bien, Messieurs! — Ecoutez, Салютинъ! Eh bien, conclusion: Русской народъ можетъ принять западное просвѣщеніе; а мы, Messieurs, мы люди образованные, стоящіе такъ высоко, должны стараться сдѣлать его похожимъ на насъ. N'est ce pas, Messieurs, я убѣдилъ васъ? —

Салютинъ.

C'est que vous êtes philosophe. Mais le côté pratique, où est-il, le côté pratique! Ah, je ne suis pas philosophe; moi, je ne me laisse pas prendre si facilement par des paroles. Le côté pratique, c'est ce que je vous demande.

Луповицкій.

Une objection, qui est fort juste. Je vais vous répondre à l'instant.

(*Салютинъ самодовольно пускаетъ дымъ и еще болѣе разваливается въ креслахъ*).

Луповицкій.

C'est que.... Ахъ, Боже мой! Мы все говоримъ по-французски. Видите, Messieurs. Я бы конечно поступилъ отвлеченно, d'une manière abstraite, еслибъ я сообщилъ то народу, о чемъ онъ и понятія имѣть не можетъ. — Non, non, mille fois non! — А я, знаете, возьму въ немъ зародыши, въ народѣ, — вѣдь они есть зародыши, понимаете вы меня? — и этимъ зародышамъ дамъ только видъ, какой надобно, — сивилизую.... сивилизую. — Напримѣръ, что-нибудь уже есть въ Русскомъ народѣ, — я не дамъ ему того, чего еще у него нѣтъ, — а что-нибудь есть, такъ я этому придамъ Европейской видъ, сивилизую, понимаете вы меня? Напримѣръ: благотворительность; вѣдь конечно мужикъ дѣлаетъ добро, n'est ce pas? Но какъ онъ дѣлаетъ? — подаетъ нищимъ; это грубо, необразованно, n'est ce pas? Я возьму это свойство въ мужикѣ, — и сивилизую. Онъ будетъ, какъ-нибудь, что-нибудь, дѣлать въ пользу бѣдныхъ, какъ мы дѣлаемъ; ну баловъ, конечно, у нихъ нельзя завести, ну что-нибудь другое: ужъ я придумаю. Понимаете меня?

Долонскій.

Il a raison, ce Луповицкій. Ah, il est bien ferré sur son terrain.

Салютинъ.

Il faut avouer, il y a du sens pratique dans vos paroles. — Mais d'où vous vient tout cela?

Луповицкій.

Messieurs, c'est que j'aime la Russie.

Салютинъ.

Je suis prêt à y croire. J'aime son argent. quant à moi. Je me rejouis d'être Russe, car, mon cher, 200,000 francs de rente, c'est quelque chose.

Луповицкій.

Vous êtes materialiste, c'est connu Eh bien, Messieurs, вы наконецъ согласны со мною?

Долонскій.

Prouvé et approuvé. Только признаюсь, я не ожидалъ въ тебѣ практическаго генія. Ты всегда умѣешь изумлять.

Салютинъ.

Ecoutez, Луповицкій; ну, а если мужики тебя не поймутъ; если они заупрямятся? Ты принудишь ихъ, разумѣется.

Луповицкій.

Принуждать насильно — нѣтъ, я на это не способенъ. Убѣждать — другое дѣло. Я увѣренъ въ успѣхѣ.

Салютинъ.

Э! mon ami, непремѣнно надо употребить силу; даже и убѣждать нечего пробовать; надо знать, съ

кѣмъ быть деликатнымъ. Нужна желѣзная рука mon cher, — une main de fer. Такъ только надо учить необразованный народъ. Сломай его, сдѣлай изъ него тѣсто, faites-en une pâte, и потомъ лѣпи, что угодно.

Луповицкій.

Но какая же будетъ польза.

Салютинъ.

Mais c'est ainsi, que Pierre le Grand a agi envers nous. Eh bien! Кажется трудъ не потерянъ. Мы можемъ быть ему благодарны за это; мы, надѣюсь, стали вполнѣ образованными людьми, можемъ быть собой довольны.

Луповицкій.

Le temps change, mon cher; теперь не то время; nous sommes devenus plus humains. D'ailleurs, je ne suis capable d'aucune action de ce genre.

Салютинъ.

Жаль, а было бы гораздо лучше.

Луповицкій.

Mais c'est de la force brutale.

Салютинъ.

Force brutale est très necessaire et très utile envers les brutes.

Луповицкій.

Но мое собственное человѣческое чувство возстаетъ противъ этого. Je sauve donc ma propre humanité. Je crois, que c'est aussi quelque chose.

Салютинъ.

У тебя есть отвѣтъ на все. Дѣлай, какъ хочешь. Когда ты ѣдешь?

Луповицкій.

Завтра, Messieurs, завтра.

Долонскій.

Nous vous verrons encore, avant, votre départ?

Луповицкій.

Sans doute.

Салютинъ.

Долго ты останешься?

Луповицкій.

Сколько нужно для моего дѣла. Дамъ толчекъ, сообщу движеніе, и пріѣду опять сюда. Конечно я хочу пользоваться всею этою образованною жизнію; мое мѣсто здѣсь, въ Парижѣ; но, знаете, — я уже буду пользоваться всѣми этими плодами сивилизаціи, какъ сказать, съ бо̀льшимъ правомъ; мнѣ не будетъ уже совѣстно, если я удѣлю хоть часть нашего совершенства бѣдному, жалкому нашему народу. Qu'est ce qui vous semble?

Долонскій.

Смѣшно было бы, если бы ты не пріѣхалъ. — Vous partez donc, vous quittez Paris.

Луповицкій.

Oui, je pars! Adieu, Paris, adieu! Mais, pas pour toujours, pas pour longtemps. — Oh, Paris!

Салютинъ.

Victor Hugo a eu bien le droit de dire:

La France est le géant du monde, —
Cyclope, dont Paris est l'oeil.

Луповицкій.

C'est vrai. Quel poète!

Салютинъ.

Ecoutez, Луповицкій. Такъ ты рѣшительно не хочешь принять моего совѣта и принудить мужиковъ, если они заупрямятся.

Луповицкій.

Принуждать насильно, — нѣтъ я на это не способенъ. Если же они не поймутъ меня, — я пожму плечами, и ворочусь въ Парижъ. Mais, je suis fermement persuadé, que je serai compris. — Bonjour.

Долонскій.

Куда же?

Луповицкій.

О, куда: Мнѣ надо купить все, что вышло на Французскомъ языкѣ объ Россіи, всѣ путешествія; дорогою я ихъ прочту: и конечно самое вѣрное понятіе могутъ дать иностранныя описанія. La Russie, vue du haut de la civilisation, vous savez.

Долонскій.

C'est juste; vous vous armez de pied-en-cap.

Салютинъ.

C'est ce qu'il faut.

Луповицкій.

Bonjour.

Долонскій и Салютинъ.

Bonjour.

(*Лупвицкій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, безъ Луповицкаго.

Долонскій.

Il a du fond, cet homme.

Салютинъ.

C'est un homme de conviction.

Долонскій.

Et puis une bonne tête, et un don de la parole incontestable.

Салютинъ, (*зѣвая*).

Il serait interessant de savoir, ce qu'il va produire en Russie.

(*Встаютъ, чтобъ идти*).

Занавѣсъ опускается.

КНЯЗЬ ЛУПОВИЦКІЙ

ИЛИ

ПРІѢЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Князь Луповицкій, богатый помѣщикъ.
Антонъ, староста.
Иванъ, сынъ его.
Параша, дочь его.

Семенъ Прохоръ Ермилъ Филиппъ	крестьяне.

Ульяна, дѣвушка крестьянка.
Андрей, сирота, молодой крестьянинъ.
Жеромъ, Русской камердинеръ съ французскимъ именемъ.
Грумъ.
Слуга.
Крестьяне, крестьянки.

Дѣйствіе въ деревнѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Широкая улица деревни, поросшая травою; съ лѣва большое крыльцо барскаго дома, въ родѣ балкона; съ права рядъ избъ; на авансценѣ съ права же колодезь.

Ульяна и потомъ Параша.

(*Ульяна достаетъ изъ колодца ведро и поетъ*).

Параша, (*входитъ*).

Ты все поешь, Ульяна.

Ульяна.

Да чтожъ не пѣть-то? Вотъ помоги-ка лучше ведро достать, — вотъ такъ. (*Ставитъ съ ея помощью ведро на край колодца; потомъ обѣ становятся другъ противъ друга*).

Параша, (*послѣ молчанія*).

Кому-то завтра въ солдаты придется? Завтра сходка будетъ; кого-то отдадутъ?

Ульяна.

А какъ Богъ міру на сердце положитъ.

Параша.

Хорошо тебѣ, братьевъ у тебя нѣту. А какъ у меня ихъ четверо.

Ульяна.

Да чего бы лучше Андрюху отдать?

Параша.

Сироту-то?

Ульяна.

Ну да, сироту. Богъ вѣдь его не покинетъ, а очень тосковать за нимъ некому. Парень онъ смирный, добрый, работящій; да все не братъ, не сынъ.

Параша.

Да ему-то вѣдь не легче, бѣдному.

Ульяна.

То ему одному не легче; а какъ другаго изъ семьи-то отдадутъ, такъ вся семья за нимъ плакать станетъ (*Параша хочетъ идти*). Куда ты? постой; только ведра возьму, пойдемъ вмѣстѣ. (*Надѣваетъ ведра на коромысло*). Э, смотри-ка, это кто идетъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Луповицкій (*входитъ съ щегольскомъ дорожномъ пальто и съ лорнетомъ на шнурочкѣ*).

Луповицкій.

Вотъ я опять на родинѣ, опять въ Россіи, сторонѣ необразованной, дикой, а между тѣмъ, да, — я

люблю ее, безъ сомнѣнія люблю. Отечество! да отечество, la patrie! Согласенъ, совершенно согласенъ: патріотическое чувство доступно благородному сердцу. Я очень это чувствую, да; чувствую именно теперь, воротясь на родину, въ Россію. Невольно такъ и хочется запѣть.

(*Запѣваетъ*).

La voici, la voilà, cette France chérie!

(*Осматриваетъ окрестность лорнируя. Крестьянки стоятъ поодаль и смотрятъ*).

Ульяна.

Параша, вѣдь это баринъ.

Параша.

Отчего жъ баринъ, кто его знаетъ.

Ульяна.

И одѣтъ не по русски, и говоритъ не по русски: стало баринъ.

Параша

И то.

Луповицкій.

А, это вѣрно кто нибудь изъ моихъ подданныхъ. (*Смотритъ*). Jolie figure. Послушайте, мои милыя.

Ульяна, (*кланяясь*).

Что, батюшка?

Луповицкій.

Чья эта деревня?

Ульяна.

Князя Луповицкаго, помѣщика.

Луповицкій.

А самъ помѣщикъ, гдѣ же онъ?

Ульяна.

А кто его знастъ. Въ чужихъ земляхъ, гдѣ-то. Слышно, тамъ есть мѣстечко Парижи; такъ онъ тамотко.

Луповицкій (*въ сторону*).

C'est Paris, — прошу узнать. Парижи! C'est vraiment drôle (*имъ*). Что же, баринъ у васъ, хорошій баринъ?

Ульяна.

А Господь его знаетъ. Намъ грѣхъ Бога гнѣвить, намъ хорошо; а барина мы и въ глаза не видали.

Луповицкій (*въ сторону*).

Хорошо; я увѣренъ, что дурно.

Ульяна.

Оброкъ небольшой. Старосту міръ выбираетъ на три года, а не хорошъ и до сроку смѣнитъ.

Луповицкій, (*морщится*).

Ну, а когда же баринъ будетъ?

Ульяна.

Да его ждутъ съ часу на часъ.

Луповицкій.

Ну, мои милыя, я буду имѣть удовольствіе говорить съ вами послѣ; а теперь пошлите ко мнѣ старосту и скажите, что баринъ пріѣхалъ, вашъ баринъ. Ну да, я вашъ баринъ. (*Дѣвушки кланяются*). Подите пошлите старосту. (*Онѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Луповицкій (*одинъ*).

Жаль, очень жаль; умный народъ, и въ такомъ невѣжествѣ. Никакихъ понятій, никакого совершенно сужденія. Образовать его — вотъ нашъ долгъ. Образоватъ въ отношеніи религіозномъ, въ отношеніи нравственномъ, общественномъ, художественномъ. — Вотъ поле для дѣятельности. — Надо же наконецъ, чтобы народъ нашъ походилъ на насъ, Европейцевъ. Я объясню имъ все это. Не хочу же я обидѣть ихъ тѣмъ, что они не поймутъ меня. Ктому же, да-съ, — я люблю Россію, люблю этотъ добрый и умный Русской народъ. Oh, comme je l'aime! Жаль только, что мнѣ нельзя разговаривать съ ними по Французски. Хоть я и хорошо говорю свой языкъ, но по Французски я бы объяснилъ имъ это лучше; mais, que faire! — Какъ же я возьмусь за дѣло однако? А надо немедленно. Я въ деревню прямо изъ Парижа; всѣ мои впечатлѣнія вполнѣ свѣжи; надо этимъ

пользоваться. Къ тому же я не намѣренъ здѣсь долго оставаться; мнѣ надобно сперва только кинуть сѣмена; но какъ же быть? Да, позвольте, позвольте! Я помню одного мужика, котораго я къ себѣ выписывалъ въ Петербургъ: умная голова, просто министръ. — Такъ, онъ будетъ моимъ органомъ, проводникомъ моихъ идей.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Луповицкій, Староста.

Староста.

Такъ и есть. Ахъ батюшка, Князь Геннадій. Ивановичъ!

Луповицкій, (*лорнируя*).

Ба, ба, ба! Это кажется.... да, тотъ самый.

Староста.

Что вы къ себѣ въ Питеръ съ отчетами выписывали, — такъ, батюшка.

Луповицкій.

Здравствуй, здравствуй. Какъ бишь тебя?

Староста.

Антонъ Гавриловъ.

Луповицкій.

Антонъ, да. — А ужъ не ты ли староста?

Староста.

Я, ваше сіятельство.

Луповицкій.

Тебя выбрали въ старосты, такъ ли?

Староста.

Выбралъ міръ.

Луповицкій.

Міръ, то есть всѣ?

Староста.

Весь міръ, батюшка.

Луповицкій, (*ласковымъ тономъ смягчая слова*).

Вѣдь ты мой староста, а? Такъ надо, чтобы я, чтобы баринъ выбиралъ старосту, а?

Староста.

Такъ, батюшка, точно. Кому иному, какъ не тебѣ. — Живешь ты, правда, далеконько; у насъ не бываешь, и насъ не знаешь никого; а то, батюшка, кому и назначать, какъ не тебѣ.

Луповицкій.

Ça n'est pas bête. — Ну а если я у васъ жить стану, — такъ вѣдь, конечно, мнѣ надо назначать; вѣдь ты все же мой староста?

Староста.

Точно, батюшка, точно, точно; твой староста, и рѣчи нѣтъ. Ну да вотъ что, батюшка; кабы имъ то, крестьянамъ то есть, до твоего старосты дѣла не было, такъ имъ бы и все равно; а то, вѣдь я отъ тебя, да надъ ними. Ну какъ же, батюшка, и имъ бы вѣдь надо объ себѣ подумать. Умъ хорошо, а два лучше, батюшка.

Луповицкій.

Il est très fin, cet homme. — Хорошо, Антонъ, мы съ тобой потолкуемъ послѣ, кому и какъ старосту назначать. — Я тебѣ скажу, я много хочу сдѣлать перемѣнъ. Ты мнѣ поможешь; ты уменъ, я знаю. — Я вамъ добра хочу, друзья мои, будьте въ этомъ увѣрены. — Кстати, нѣтъ ли у васъ чего нибудь, à l'ordre du jour, на очереди.... какъ сказать.... (*заминается*).

Староста.

Какъ же, ваше сіятельство, некрутчина.

Луповицкій.

А у васъ кто отдаетъ въ рекруты, — ты?

Староста.

Нѣтъ, батюшка, какъ можно, — міръ.

Луповицкій.

Міръ! Гм, хорошо. Сколько здѣсь душъ?

Староста.

Да душъ восемьсотъ, побольше, будетъ.

Луповицкій.

Это не дурно. — Я нѣсколько усталъ теперь, до свиданья. А камердинеръ мой еще не пріѣхалъ съ коляской? Вѣдь я пѣшкомъ къ вамъ дошелъ.

Староста.

Онъ въ домѣ, батюшка; васъ дожидается.

Луповицкій.

Прощай, добрый мой Антонъ.

Староста.

Прощенья просимъ, ваше сіятельство.
(*Провожаетъ его нѣсколько шаговъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Староста и Прохоръ.

Прохоръ.

Антонъ Гаврилычъ, баринъ пріѣхалъ?

Староста.

Пріѣхалъ.

Прохоръ.

Видѣлъ?

Староста.

Видѣлъ.

Прохоръ.

Ну что?

Староста.

Ничего.

Прохоръ.

А что?

Староста.

Да что. Добрый баринъ, ничего. Все-то, Прохоръ Игнатьичъ, объ насъ думаетъ. Перемѣны, говоритъ, у васъ сдѣлаю. Право такъ. Все о насъ глупыхъ пекутся. — Ну самъ ты человѣкъ умный, ну скажи: какъ намъ и счастливыми-то не быть? Видишь, заботу объ насъ принимаютъ какую.

Прохоръ.

Да ты рѣчь-то не двои. Скажи, что́ намъ, добра ждать, что ли?

Староста.

Я тебѣ говорю, хорошій баринъ. Добра, говоритъ, вамъ хочу.

Прохоръ.

Охъ, братъ! Будетъ онъ думать, что добро, да и пойдетъ насъ добромъ-то этимъ подчивать. Жилъ-то онъ долго въ Нѣмечинѣ. Тамъ можетъ оно и добро, да чтобъ нѣмецкое добро намъ худомъ не вышло.

Староста.

Слушай, — коли въ правду добрый, такъ онъ съ разу, хоть и не увидитъ, что намъ плохо, — да гнуть

на колѣно не будетъ. А право слово, душа у него добрая. Я давно вѣдь его знаю; онъ хоть и не того, да за то не золъ. — Да не въ томъ теперь сила: надо къ барину съ приносомъ идти; еще рано, успѣемъ. Пойдемъ-ка, Прохоръ Игнатьичъ.

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Параша, потомъ Иванъ.

Параша, (*подпираясь локоткомъ*).

Кого-то въ солдаты отдадутъ? У насъ четверо, у Прохора трое, у Василья то же трое, да и мало ли народу, — а кто пойдетъ? — Ульяна сказала Андрюху, а за что? — за то, что сирота: ишъ вина какая. За нимъ плакать некому: да онъ чтоли виноватъ, что некому. — Ну а если кто изъ братьевъ — не дай Богъ! (*Луповицкій подходитъ потихоньку къ окну и слушаетъ*).

Иванъ, (*входя*).

Чего задумалась?

Параша.

А вамъ и горя мало. — Кого-то изъ васъ завтра въ солдаты отдадутъ.

Иванъ.

Не бабье дѣло толковать объ этомъ.

Параша.

Ваня, да ты ужъ мнѣ скажи: кого по твоему?

Иванъ.

Да Андрюху, чай.

Параша.

А тебѣ не жаль Андрюхи?

Иванъ.

А тебѣ нешто жаль?

Параша.

Да чѣмъ же онъ провинился, что его? Чтожъ въ немъ худаго-то?

Иванъ.

Хорошій парень, нечего сказать; всѣмъ взялъ; работящій, и добрый такой; ну и пѣсню лихо споетъ; ну и на кулачки ужъ не спуститъ. Когда не жаль, — жаль; да чтоже дѣлать-то? Вѣдь надо же кому нибудь. Такъ все легче ему пойти, — одинъ, какъ перстъ.

Параша.

Наладили вы все одно; ужъ видно ему и придется.
(*Закрываетъ глаза руками*).

Иванъ.

Да чего ты, Параша? А? (*она плачетъ*). Да ты скажи. Ужъ тебѣ не приглянулся ли онъ? Ты скажи.

(*отнимаетъ руки ей отъ лица*). Полно! можетъ и не онъ пойдетъ. Плачешь, ничего не видя.

Параша.

Да кто тебѣ сказалъ, что онъ мнѣ приглянулся? Не приглянулся, совсѣмъ нѣтъ; а такъ, жалко; всѣхъ васъ жалко, — оттого и плачу.

Иванъ.

Ну ужъ ты, не хитри со мной. Говорю тебѣ, не плачь.— Э, да вотъ Андрюха. (*Параша убѣгаетъ*).

Луповицкій, (*у окна*).

Mais c'est tout un roman! (*Уходитъ, очень довольный*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Иванъ и Андрей.

Иванъ.

Андрюха!

Андрей.

Что?

Иванъ.

Тебѣ въ солдаты придется.

Андрей.

Что Богъ пошлетъ.

Иванъ.

А мнѣ жаль тебя, Андрюха.

Андрей.

Ну спасибо, коли жаль.

Иванъ.

А за тобой проказы водятся.

Андрей.

Какія проказы?

Иванъ.

Какія! Думашь, я незнаю. Я, братъ, вижу.

Андрей.

Да что ты видишь.

Иванъ.

Что! Ты на Парашу заглядываешся; вотъ что. Что? молчишь?

Андрей.

Ну да коли самъ видишь, такъ что ужъ таиться.

Иванъ.

Да ты скажи мнѣ, Андрюха, въ правду. Что тебѣ, по сердцу она пришлась, что-ли?

Андрей.

Коли знаешь, что и говорить. Хотѣлъ сватовъ засылать; ну да какіе теперь сваты.

Иванъ.

Слушай, Андрюха. Мнѣ тебя жаль, право жаль; а пособить чѣмъ, и незнаю. За тебя пойти, — да

нѣтъ, братъ, надо правду сказать, не пойду. Что отецъ скажетъ? Ты, скажетъ, своей волей бросаешь меня; не тебѣ досталось, а ты идешь. — Знаешь что, Андрюха! Ужъ какъ Богъ дастъ, такъ оно и будь.

Андрей.

И то, Иванъ. Спасибо на добромъ словѣ. Ну а коли не пойду?

Иванъ.

Ну а коли не пойдешь, ужъ просватую за тебя сестру.

Андрей.

Ой ли?

Иванъ.

Право такъ.

Андрей.

Ну, Иванъ, что Богъ дастъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и толпа крестьянъ начинаетъ сходиться по немногу передъ крыльцомъ.

Семенъ.

Андрей, не видалъ барина?

Андрей.

Не видалъ; слугу его видѣлъ, словно баринъ одѣтъ.

Семенъ.

Крѣпостной?

Андрей.

Крѣпостной, да не его; наемный, давно ужъ у него.

(*Входитъ грумъ*).

Иванъ.

Смотри-ка, уродецъ идетъ.

Семенъ.

Ахъ, братцы; что это? — Не то человѣкъ, не то птица. (*Смѣхъ*).

Иванъ.

Подь сюда пичуга малая, подь сюда.

(*Всѣ хохочутъ; грумъ складываетъ гордо руки и молча уходитъ при общемъ хохотѣ*).

Жеромъ, (*выходитъ на крыльцо*).

Жалкая ты деревенщина, необразованная. Чему хохочете?

Семенъ, (*Ульянѣ*).

Это баринъ.

Ульяна.

Нѣту.

Андрей.

Это слуга его, наемный.

Жеромъ.

Козлы вы бородатые.

Семенъ, (*въ полголоса*).

Ахъ ты рыло бритое.

Жеромъ.

Невѣжи, невѣжи! Жалости подобные невѣжи! Ну что вы знаете, ну о чемъ вы слышали! Ну знаете ли, что́ манеры хорошія? Ну? — Не умѣете и одѣться-то, какъ надо.

Иванъ.

Мы, братъ, по русски одѣваемся.

Жеромъ.

Да развѣ кто изъ порядочныхъ людей по русски ходитъ?

Иванъ.

Да мы ходимъ; мы не мошенники какіе.

Жеромъ.

Грубая ты дичь деревенская.

Семенъ.

Не больно спѣсивься, дичина заморская.

Жеромъ.

Я, — да я камердинеръ его сіятельства; ну скажи, необразованный, скажи; что значитъ камердинеръ его сіятельства?

Андрей.

Да все тотъ же лакей.

Жеромъ.

Тотъ же, да не тотъ, — высокаго рангу, сюперфинь Гамбургъ.

Семенъ.

Ребята, онъ съ придурью; слышите, что́ мелетъ.

Жеромъ.

Съ придурью? самъ ты съ придурью, мужикъ. Мы, братъ, съ его сіятельствомъ, мало ли земель объѣздили. Во Франціи были, въ Нѣмеціи, въ Англіи, въ Италіи. — Ну хочешь скажу по Французски? — Бонжуръ мадамъ; — что? Ну хочешь по Нѣмецки? — Вассисдасъ мейнъ герръ; — вотъ тебѣ и по Нѣмецки. Ну по Англицки: гаудуйду. (*Хохотъ*).

Семенъ.

Какъ?

Жеромъ.

Гаудуйду.

Семенъ.

Ой братцы; уйду! (*Смѣхъ*).

Жеромъ.

По Итальянски хочешь? Міо каро.

Семенъ.

Карій; кто, ты карій?

Жеромъ.

Да вы языковъ не разумѣете.

Андрей.

На чтоже ты говоришь такъ, что мы не разумѣемъ?

Иванъ.

Да, братъ, ужъ коли глупъ, такъ на всѣхъ языкахъ глупъ.

Жеромъ.

Глупъ? — самъ ты глупъ. Мы съ его сіятельствомъ въ разныхъ ферейнахъ бывали; я тамъ не съ тобой дуракомъ, а съ учеными диспутовался.

Семенъ.

Совсѣмъ исплутовался, — эхъ жалко. (*Смѣхъ*).

Жеромъ.

Герцоги, принцы и короли меня знаютъ; къ себѣ приглашали.

Семенъ.

Эхъ ребята! Сгоните его съ энтаго мѣста: оно хвастливо.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и нѣсколько стариковъ, (въ томъ числѣ, Староста, Прохоръ и Филиппъ), съ хлѣбомъ-солью, медомъ и проч. Толпа раздается съ почтеніемъ.

Староста, (*остановясь передъ крыльцомъ*).

Доложи барину, что мы пришли.

(*Камердинеръ уходитъ. Луповицкій выходитъ сейчасъ съ камердинеромъ. Всѣ кланяются*).

Староста.

Батюшка, не побрезгай на нашемъ челобитьѣ; прими нашу хлѣбъ-соль.

Луповицкій.

Очень радъ, очень благодаренъ. Вотъ она, хлѣбъ-соль; мнѣ много говорили про этотъ обычай иностранные туристы. (*Даетъ знакъ камердинеру; тотъ принимаетъ*).

(Жеромъ, *сквозь зубы*).

Ну ужъ подарки, грубая деревенщина.

Луповицкій (*въ полголоса*).

Послушай, ты! прошу быть деликатнѣе; да и какъ ты смѣешь? Ты видишь, что я принимаю и благодарю. — Смотри Жеромъ, если хочешь служить у меня, прошу быть вѣжливымъ, особенно съ ними.

(*Выходитъ впередъ*). Очень, очень вамъ благодаренъ за доброе ваше привѣтствіе.

Крестьяне.

Не на чѣмъ, батюшка.

Луповицкій (*откашливается, становится въ позу и приготовляется говорить рѣчь*).

Гм! Это съ большимъ удовольствіемъ, что я принимаю изъявленіе вашей.... вашей признательности, или скорѣе любви ко мнѣ, — любви еще не заслуженной мною. — Но я надѣюсь заслужить ее. Вѣрьте (*одушевляя себя*), о да, вѣрьте, что и я люблю васъ! Я постараюсь устроить вашъ бытъ, передать вамъ плоды просвѣщенія, роскошные плоды наукъ и искуствъ, — (*Горячась*) Ничего не пожалѣю для этаго, никакихъ трудовъ, ни.... безсонныхъ ночей, ни.... утомительныхъ дней, ни.... препятствія природы, ни человѣческія препятствія не остановятъ меня. — Гдѣ ваши орудія, омоченныя не разъ благороднымъ пóтомъ вашимъ? Гдѣ соха, гдѣ, пила? — Дайте мнѣ ихъ! Моя рука не побоится прикоснуться къ нимъ, если то нужно. — Но важнѣйшій трудъ предстоитъ мнѣ; я говорилъ о немъ сейчасъ. — Это тѣ нравственныя сокровища, которыя передамъ я вамъ, добытыя мною отъ Запада Европы, это сѣмена умственныя, которыя долженъ разсѣять я здѣсь. — Вы поймете меня. Ваше со-

чувствіе, въ которомъ я не сомнѣваюсь, будетъ для меня лестною наградою. Повѣрьте мнѣ, я васъ уважаю, и докажу это! Вы можете считать на меня. (*Пауза*) Господа! Я въ вашихъ распоряженіяхъ. (*Въ сторону*) Какъ хорошо бы это было по Французски!

(*Крестьяне молчатъ*).

Луповицкій.

Я усталъ немного и лягу отдохнуть, но прошу васъ пѣть и веселиться передъ моими окнами. До свиданія! Этотъ день — вашъ. (*Наклоняется; народъ кланяется. Луповицкій уходитъ, камердинеръ тоже*)

Андрей, (*Ивану*).

Ну что, понялъ, что баринъ говорилъ?

Иванъ.

Какъ не понять: велѣлъ себѣ подать соху да пилу.

Семенъ.

Сходить, что ли за ними, Антонъ Гаврилычъ?

Староста.

Полно вамъ; вѣдь это такъ, для примѣра говорится.

Семенъ.

А, можетъ, онъ и въ правду пилить да пахать захотѣлъ.

Прохоръ.

Ну пахать-то, да работать, — такъ и быть, ужъ мы все будемъ.

Семенъ.

Про сѣмена говорилъ; сѣмена какія то изъ-за моря привезъ.

Староста.

Эхъ вы! это такъ у него выходило; а просто хотѣлъ онъ сказать: вы де невѣжи, вамъ учиться надо.

Иванъ.

Такъ онъ такъ бы и говорилъ; мы и безъ него знаемъ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Андрей.

А вѣдь онъ добрый.

Многіе.

Добрый.

Староста.

Ну полно калякать; собирайте хороводъ. (*Уходитъ; за нимъ старики. При словахъ его входитъ Жеромъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же безъ Старосты и Стариковъ.

Иванъ.

Ну живо, собирайте. (*Хороводъ начинаетъ собираться*).

Жеромъ. (*Подходитъ къ Парашѣ*).

Ты не дурна, моя милая. (*Беретъ ее за руку*;

та вырываетъ ее). Что ты — Не бойся, не бойся; ужъ если я тебѣ такую честь оказываю, не совѣстись.

Параша.

Вотъ честь какая! Убирайся прочь.

Жеромъ.

Вотъ глупая, вотъ невѣжа; никакого тутафе обращенья не понимаетъ. (*Беретъ ее опять за руку*).

Параша, (*вырывая руку*).

Прочь!

Иванъ, (*Андрею*).

Что носъ повѣсилъ?

Андрей.

Повѣсишь, братъ. Кому то завтра въ солдаты идти придется.

Иванъ.

Что завтра, — то завтра, а что нынче, — то нынче. Запѣвай Андрюха! (*увидавъ Жерома*) Ба, ты что тутъ?

Параша.

Все пристаетъ.

Иванъ.

Убирался бы ты лучше.

Жеромъ.

Я вамъ честь дѣлаю, тро донёръ, что къ вамъ пришелъ; удостоилъ то есть васъ, а вы дураки этаго

и не чувствуете; мужичье! Скажите-ка лучше: мерси. — Дай же руку; ты хорошенькая, шармантъ право; такъ таки себѣ. (*Хочетъ взять руку*).

Андрей, (*запальчиво*).

Говорятъ тебѣ, отстань!

Жеромъ.

Ой, какой грозный. Ты потише, — я княжой камердинеръ.

Иванъ.

Пошолъ прочь, добромъ тѣ говорятъ. Мы хороводъ водить станемъ.

(*Беретъ за руку сестру*).

Жеромъ, (*беретъ ее за руку*).

Я не пущу, (*Параша плачетъ*). Ну пожалуй плачь. Ужь если мнѣ угодно тебѣ такую, знаешь неожидаемую милость сдѣлать, то хоть плачь, а милость и честь принимай.

Иванъ.

Пусти говорятъ тебѣ.

Жеромъ, (*упрямо*).

Не пущу; а тронуть меня не смѣете.

(*Параша плачетъ*).

Андрей.

Пусти!

Жеромъ.

Не пущу.

Андрей.

А коли такъ, добромъ не хочешь, такъ вотъ тебѣ.

(*Ударяетъ Жерома; тотъ падаетъ*).

Всѣ (*съ хохотомъ*).

Молодецъ Андрюха!

Жеромъ, (*подымается, внѣ себя*).

Добро, смѣйтесь, смѣйтесь! Вамъ достанется; вамъ выдетъ сокомъ! А ты озорникъ, ты скотина, — тебя завтра въ солдаты отдадутъ. Да, въ солдаты. Ужъ я постараюсь. Да, да!

Андрей, (*стоитъ, какъ озадаченный*).

Ну, что Богъ дастъ.

Жеромъ, (*уходя*).

Въ солдаты тебя, въ солдаты, въ солдаты, въ солдаты.

Андрей, (*стоитъ съ минуту въ раздумьѣ; потомъ вдругъ какъ бы очнувшись, махаетъ рукой и запѣваетъ*).

Вдоль по морю, вдоль по морю.

(*Становится въ хороводъ*).

Хороводъ (*подхватываетъ*).

Вдоль по морю, морю синему.

(*Хороводъ движется*).

Занавѣсъ опускается.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Луповицкій одинъ завтракаетъ.

Луповицкій.

Хорошо, немедленно примусь за дѣло. — Какъ я доволенъ; у меня есть дѣятельность, — право. — Сегодня я долженъ говорить обо всемъ со старостой, ему первому сообщить мои мысли. Я нарочно написалъ всѣ пункты на бумагѣ. (*беретъ со стола бумагу и просматриваетъ*). А, вотъ мой министръ. Здраствуй, мой любезный Антонъ. (*Антонъ кланяется. Послѣ молчанья*). Мнѣ надо поговорить съ тобой, Антонъ. — Я тебѣ говорилъ, что я хочу сдѣлать перемѣны.

Антонъ.

Говорили, ваше сіятельство. (*въ сторону*). Вотъ тѣ на, какъ на пашню онъ насъ посодитъ.

Луповицкій.

Ну скажи, не находишь *ли* ты самъ, что нужны

перемѣны? А? (*улыбается*). Ну какія, ты полагаешь, перемѣны я придумалъ?

Староста.

Можетъ, оброкъ прибавите, батюшка.

Луповицкій.

Нѣтъ, нѣтъ! О матеріалистъ Антонъ! Не безпокойтесь, друзья мои; перемѣны будутъ другаго рода.

Антонъ.

Не знаю, что за перемѣны, ваше сіятельство.

Луповицкій.

Я хочу, чтобы пониманіе ваше.... какъ сказать.... интеллектуальное образованіе, — ну.... нравственное, нравственное ваше достоинство возвысилось. (*Антонъ молчитъ*). Я говорю не ясно, можетъ быть; но лучше къ дѣлу. — Скажи мнѣ, религіозны ли вы? А? — То есть, ходите ли вы въ церковь?

Староста.

Ходимъ, ваше сіятельство.

Луповицкій.

И прекрасно, друзья мои, прекрасно. О будьте религіозны, вѣрующіе. Я принадлежу къ такимъ людямъ, которые уважаютъ Вѣру, считаютъ ее даже главнымъ дѣломъ. — Я вамъ совѣтую именно быть религіозными; исполняйте, что велитъ вамъ религія или Вѣра.

Староста.

Мы исполняемъ, сколько силы нашей.

Луповицкій.

Однако, Антонъ, я вѣдь былъ сегодня въ церкви; конечно я пришелъ не къ началу, однако служили еще — и я видѣлъ, что народу не много.

Староста.

Да вы, батюшка, послѣ обѣдни пришли: а это служили молебны; такъ тѣ и остались, кто служилъ, а другіе разошлись.

Луповицкій, (*сконфузившись*).

Да точно, да, молебны. — Позволь однако, позволь: тамъ священникъ давалъ крестъ цѣловать.

Староста.

Да какъ же, батюшка, это за всякимъ молебномъ бываетъ.

Луповицкій, (*совсѣмъ сконфузившись*).

Бываетъ, да, бываетъ, точно. (*Принимается за завтракъ*). Не хочешь ли ты позавтракать? Я тебѣ велю тамъ подать (*указываетъ ему на свой завтракъ*).

Староста.

Нѣтъ, батюшка, не стану.

Луповицкій.

Отъ чего?

Староста.

У насъ постъ, батюшка; это скоромное.

Луповицкій.

Постъ, — какой постъ?

Староста.

Петровки, батюшка.

Луповицкій.

Петровки! — (*кладетъ вилку и ножикъ*). Признаюсь, не зналъ.

Староста.

Ваше дѣло господское, батюшка.

Луповицкій.

Ну, я вижу, что на счетъ религіи или Вѣры, говорить нечего; — вы близки къ ней. — Теперь о другомъ, (*смотритъ въ бумажку*). Что, дѣлаете ли вы добро?

Староста.

Случается, батюшка, подаемъ.

Луповицкій.

Подаете нищимъ, это хорошо; но вѣдь не всякой подаетъ?

Староста.

Какъ, батюшка, нищему не подать? — Ну, а если кто не захочетъ, тотъ ужъ самъ себѣ худо дѣлаетъ.

Луповицкій.

Да вѣдь можетъ случиться, что кто нибудь не подастъ? Скажи, можетъ случиться?

Староста.

Можетъ статься.

Луповицкій.

Ну, такъ я вотъ что придумалъ. — Вы устройте у себя благотворительный хороводъ.

Староста.

Какъ, ваше сіятельство?

Луповицкій.

Благотворительный хороводъ.

Староста.

Что жъ это будетъ такое?

Луповицкій.

А вотъ что. Когда у васъ соберутся для хоровода, — каждый, кто захочетъ участвовать, дастъ по копѣйкѣ, или по полушкѣ, въ общую сумму, для бѣдныхъ; а потомъ эти деньги и будетъ раздавать нищимъ, настоящимъ нищимъ, тотъ, кого хоть я назначу. — А? хорошо?

Староста.

Умныя твои рѣчи, батюшка. Только вотъ что: у насъ есть въ церкви кружка для бѣдныхъ. Хороводъ-то, веселье-то зачѣмъ?

Луповицкій.

А веселье для того, чтобъ охотнѣе дали; иной бы можетъ быть безъ этой причины и не подалъ, — а для веселья подастъ.

Староста.

Стало, батюшка, человѣкъ ужъ тутъ не для Бога, а для своей потѣхи нищему подастъ. Гдѣ жъ тутъ доброе-то дѣло будетъ? Для души-то что?

Луповицкій.

Положимъ добраго дѣла собственно нѣтъ; для души, какъ ты выражаешься, нѣтъ; да все же польза.

Староста.

Ужъ коли, батюшка, въ такомъ дѣлѣ святомъ, что нищему подать, для души ничего не будетъ, — такъ ужъ тутъ какая польза, — тутъ вредъ, да и какой. Вѣдь, какъ нищаго увидишь, — и воздохнешь, и подумаешь, что вотъ де нищая братья, да и подашь; такъ оно для души много. — А тутъ, что это будетъ? — Гамъ, веселье. Что, дескать, вамъ о нищей братіи думать; знай веселись, да себя тѣшь: вотъ тебѣ и доброе дѣло сдѣлалъ.

Луповицкій.

Но польза, мой любезный Антонъ, польза!

Староста.

Такъ, батюшка, да польза-то эта со вредомъ

душѣ нашей; такъ что въ ней толку-то, въ пользѣ? Доброе дѣло будетъ безъ добра. Да позволь тебѣ сказать, батюшка: ты видалъ ли, какъ мы милостыню подаемъ? Кто принялъ — перекрестится, кто подалъ — перекрестится. Да вотъ, взгляни, батюшка, въ окошко. (*подходитъ, и съ нимъ Луповицкій къ окну*). Видишь, нищій подошелъ къ избѣ; видишь, рука изъ окна протянулась; видишь, нищій крестится; видишь, и въ избѣ крестятся, благодарятъ, что сподобилъ Господь нищему подать.

Луповицкій.

Il n'est pas bête, cet homme.

Староста.

Да позволь тебѣ доложить; вѣдь Богу бы можно было и всѣхъ нищихъ обогатить; пользу то Онъ можетъ послать имъ не по нашему; такъ чтожъ они все ходятъ, да просятъ? — Не денегъ вѣдь только, батюшка, они просятъ, — а чтобъ мы душою воздохнули, да подали нищей братіи, для Бога; — вотъ оно, батюшка, что.

Луповицкій.

Ты умно говоришь.

Староста.

По мужицки, батюшка. — Еще, батюшка, сказано: кто нищему подаетъ, Богу подаетъ; какъ же я батюшка, въ хороводѣ-то, горло распустивъ, Богу

подамъ? — И милостыня у насъ святая зовется; а тутъ какая будетъ святая милостыня, — для своей потѣхи гамъ да плясъ? Нѣтъ, батюшка, послушай моихъ неразумныхъ рѣчей; не дѣлай этаго, ты народъ соблазнять будешь; оно, батюшка, дѣло худое, Пусть добро добромъ и будетъ, а съ потѣхой его не мѣшай.

Луповицкій.

Je suis battu, tout à fait. Ну мой Антонъ, ты разсуждаешь такъ умно.... къ тому же я принуждать васъ не намѣренъ, — стало быть, дѣлайте, какъ хотите. (*Антонъ кланяется; молчанье; Луповицкій смотритъ въ бумажку*). Ну постой, Скажи мнѣ, много у васъ грамотныхъ?

Староста.

Мало, батюшка.

Луповицкій.

Ну, а грамоту, ты не отвергаешь?

Староста.

Грамота хорошое дѣло: ученье — свѣтъ, а неученье — тьма.

Луповицкій.

Ну я радъ, что въ этомъ мы сходимся. Я бы хотѣлъ школу завести.

Староста.

Грамотѣ учить?

Луповицкій.

Да.

Староста.

Такъ, чѣмъ школу заводить, батюшка, а ты пономарю дай жалованье за выучку, за каждаго, хоть рубли четыре или хоть три; онъ тебѣ учить и станетъ и выучитъ; а мы отъ грамоты не прочь.

Луповицкій.

Пожалуй, я и на это согласенъ. Мнѣ надо будетъ для васъ книгъ накупить, книгъ для народа, приноровленныхъ къ понятію народа, понимаешь?

Староста.

Какія же это книги, батюшка?

Луповицкій.

Есть много такихъ книгъ, нарочно написанныхъ для простаго ума. Въ нихъ разсуждается о предметахъ, нужныхъ для крестьянина; напримѣръ о томъ, что такое быкъ.

Староста.

Быкъ?

Луповицкій.

Ну да, быкъ. Я думаю, быкъ много значитъ въ вашемъ быту.

Староста.

Не ужъ-то же, батюшка, мы быка не знаемъ.

Неужли и того не знать, около чего цѣлый вѣкъ ходишь.

Луповицкій.

Тамъ не только о быкѣ; тамъ о нравственныхъ обязанностяхъ; тамъ говорится, что не надо лгать, пьянствовать, ну.....и такъ далѣе. Вѣдь эти книги дла васъ нужны.

Староста.

И по нашему, батюшка, не годится пьянствовать и лгать; да вѣдь ктожъ этаго не знаетъ? Не дѣлаютъ только.

Луповицкій.

Ну, да все же не худо объ этомъ еще почитать.

Староста.

Не худо, кто говоритъ; только ужъ объ этомъ давно написано и хорошо написано; врядъ ли ужъ лучше написать можно. На это ужъ есть книги.

Луповицкій.

Гдѣ? Какія?

Староста.

Священныя книги, батюшка. Вотъ ихъ то ты намъ купи, батюшка, сдѣлай милость, (*кланяется*). Онѣ намъ нужны, а денегъ не у всякаго хватитъ.

Луповицкій.

Хорошо, хорошо (*смотритъ въ бумажку*). Вотъ

что еще. Отчего такъ вы грязны, неопрятны? Крестьянки ходятъ босикомъ. Это нездорово даже.

Староста.

Да дѣло наше такое, батюшка; одежи у насъ не сколько; возимся въ землѣ, да въ навозѣ. А кабы не работали были бы и мы бѣленькіе, да чистенькіе. — Да что жъ, мы отъ работы не прочь. Работа, батюшка, человѣку еще не обида; ужъ не дивись только, что кожа загрубѣетъ и мозоли на рукахъ.

Луповицкій.

Вѣдь однако посмотри, какія у тебя грязныя руки; вѣдь какая разница съ моими (*сравниваетъ свою руку съ рукою старосты*). Просто даже совѣстно.

Староста.

Кому, батюшка, совѣстно.

Луповицкій.

Конечно тебѣ должно быть совѣстно.

Староста.

Э, батюшка! Въ навозѣ возимся, какъ же быть то? — Оттого, батюшка, твои ручки и бѣлы, что наши черны; — ну и на здоровье.

Луповицкій.

Il a infiniment d'esprit, cet homme. Постой; еще я бы желалъ, чтобъ вы больше думали о своемъ здоровьѣ. Вотъ вышла одна умная книжка, въ Россіи,

по русски: совѣты крестьянкамъ. Тамъ сказано, что для здоровья, крестьянки должны перемѣнять чулки всякой разъ, какъ промочатъ ноги.

Староста.

Батюшка, да онѣ въ рабочіе дни зачастую и безъ чулковъ ходятъ. А коли бы всякой разъ, какъ ноги промочатъ, чулки мѣнять: такъ и чулковъ бы не напаслись, да только бы цѣлый день и дѣлали, что переобувались.

Луповицкій.

Ну хорошо, хорошо (*смотритъ въ бумажку*). А вотъ, еслибъ, еслибъ.... я впрочемъ не настаиваю, еслибъ вы, хоть мало по малу, согласились снять платье, которое вы носите, и надѣли бы наше?

Староста.

А за чѣмъ же это, батюшка?

Луповицкій.

Да такъ лучше.

Староста.

Удобнѣе, что ли оно, или красивѣе платье-то ваше?

Луповицкій.

Нѣтъ, я не утверждаю ни того, ни другаго; но знаешь, всѣ такъ ходятъ; во первыхъ, мы ходимъ; потомъ, всѣ другіе иностранные народы тоже. За чѣмъ же вамъ отставать отъ другихъ?

Староста.

Да не изъ чего и приставать, батюшка. Пусть ходитъ, какъ кто хочетъ. Изъ какихъ причинъ свое-то платье я кину, а чужое надѣну? Ужъ ли же отъ того, что то свое, а то чужое? А вѣдь больше не изъ чего, батюшка, и самъ ты говоришь. Свое, — такъ и долой его, а чужое, — такъ его и надѣвай? — Не будетъ ли это ужъ обидно, батюшка?

Луповицкій.

Il a toujours raison — Ну хорошо, хорошо; довольно объ этомъ. Я сказалъ, что не настаиваю. А ты скажи мнѣ.... (*смотритъ въ бумажку*). Вотъ еще что я придумалъ. — За всякое доброе дѣло, вѣдь надо награждать? (*Антонъ молчитъ*). Что жъ ты? — Вотъ надо?

Староста.

Коли человѣкъ хорошій, батюшка, — отчего его и не поправить, и не помочь ему.

Луповицкій.

Да, тото, — ну видишь. — Если кто изъ огня кого нибудь выхватитъ, ну тамъ, ну какъ нибудь еще поможетъ, ну денегъ дастъ, — такъ этому я даю кушакъ шелковый, шитый золотомъ, а женщинѣ жемчужныя серги. — Ты опять молчишь. — Не ужъ-то и это не нравится?

Староста.

Ваше сіятельство. Говоришь ты умно, ужъ какъ

умно; да мы то глупы, такъ и мекаемъ не по твоему.

Луповицкій.

Ну говори, какъ ты мекаешь?

Староста.

А вотъ что, батюшка, я скажу. — Дѣлаетъ человѣкъ доброе дѣло: вѣдь онъ батюшка не изъ награды его дѣлаетъ; такъ ты наградою его обидишь, да и доброе-то дѣло ты не добромъ покажешь. — А коли для награды доброе дѣло кто сдѣлалъ, — такъ ужъ это какое доброе дѣло? — и награждать-то его не за что.

Луповицкій (*отирая лобъ*).

Такъ ужъ за доброе дѣло и награждть нельзя.

Староста.

Не тебѣ, батюшка, за добрыя дѣла награждать. Кто крестьянинъ исправный, работаетъ хорошо, — ты награди его. А добрыя дѣла, — человѣка кто выручилъ, или что другое, — онѣ вѣдь прямо для души, для Бога дѣлаются: такъ какой тебѣ слѣдъ награждать — прости, батюшка, глупыя мои рѣчи. Да и сказано, чтобы не хвалиться передъ человѣками добрыми дѣлами, не выказываться; а тутъ, какъ кушакъ-то онъ повяжетъ, такъ вѣдь всякому въ глаза свое доброе дѣло и сунетъ. Вѣдь это выходитъ добрымъ дѣломъ щеголять, батюшка. — По моему глу-

пому разуму, коли въ правду добрый человѣкъ, — ему и повязать-то такой кушакъ будетъ совѣстно. Добрыя дѣла вѣдь прячутся, людямъ на глаза не лезутъ. Ну а чего Боже сохрани; кто изъ за награды дѣлать добро станетъ, соблазнится, — такъ вѣдь это человѣкъ пропащій. Вѣдь и написано, батюшка: кто мзду свою здѣсь пріялъ, тотъ ужъ тамъ ее не жди.

Луповицкій (*сбитый совершенно съ толку*).

Антонъ, ты гдѣ учился?

Староста.

Нигдѣ, батюшка.

Луповицкій.

Грамотѣ умѣешь?

Староста.

Умѣю, батюшка.

Луповицкій.

Что ты читалъ?

Староста.

Церковныя книги; батюшка.

Луповицкій.

Церковныя?

Староста.

Церковныя.

Луповицкій.

А! (*Ходитъ по комнатѣ*). Любезный мой Антонъ, что у васъ сегодня? — сходка объ рекрутахъ?

Староста.

Да, батюшка; сходка будетъ.

Луповицкій.

Сколькихъ отдаете?

Староста.

Да трехъ отдали за вины: за пьянство и буянство; а вотъ четвертаго, такъ не знаемъ кого; сходка за тѣмъ и будетъ.

Луповицкій.

Хорошо, ступай же; какъ рѣшатъ, доложи мнѣ.

Староста.

Слушаю, батюшка; прощенья просимъ, ваше сіятельство.

ЯВЛЕНІЕ II.

Луповицкій (*одинъ*).

Надо признаться, что я потерпѣлъ сильное пораженіе. — Battu, complètement battu. — Какъ онъ уменъ однако, этотъ Антонъ. Гм! (*ходитъ*). Не даромъ говорятъ, что народъ русской имѣетъ умъ; еще бы! бездну ума. — Что жъ дѣлать однако? Принуждать,

этаго я никогда дѣлать не стану; да и къ тому же я долженъ по совѣсти согласиться, что онъ правъ, ce ministre des affaires interieurs. — Что дѣлать, — не знаю; надо въ томъ сознаться, хоть оно мнѣ и не выгодно. — Какое странное мое положеніе. — Вѣдь я долженъ сказать однако, что многія вещи я не такъ понималъ, что я, однимъ словомъ, не понималъ, даже теперь еще не вполнѣ понимаю Русской народъ, да. — Отчего же это? Отчего? — (*молчаніе*). Жеромъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Луповицкій и Жеромъ.

Луповицкій.

Возьми завтракъ. — Ты ѣшь скоромное?

Жеромъ.

А какъ-же-съ?

Луповицкій.

Отчего жъ ты ѣшь скоромное?

Жеромъ.

Да вѣдь это одни невѣжи мужики, постное ѣдятъ; развѣ это люди?

Луповицкій.

Я сказалъ тебѣ, чтобы ты не смѣлъ объ нихъ такъ выражаться. Я сказалъ, чтобъ ты ни съ ними

дурно не обращался, ни при мнѣ не смѣлъ ихъ бранить.

Жеромъ.

Да помилуйте, ваше сіятельство,—необразованные.

Луповицкій.

Ты развѣ образованъ? Молчи. (*Ходитъ по комнатѣ*). Не слыхалъ кого думаютъ отдать въ рекруты?

Жеромъ.

Да когоже другаго, какъ не Андрюшку; онъ сирота; жалѣть объ немъ некому.

Луповицкій.

Резонъ; очень справедливо; я согласенъ.

Жеромъ.

Да ваше сіятельство, ужъ и озорникъ онъ какой; нахалъ.

Луповицкій.

Да ты какъ это узналъ такъ скоро?

Жеромъ.

Да помилуйте, ваше сіятельство: онъ меня обидѣлъ, побилъ.

Луповицкій.

Побилъ? — Какъ это? Что такое?

Жеромъ.

Съ ногъ сшибъ. Я подошелъ было къ хороводу,

а онъ сталъ меня гнать, да и ударилъ; съ ногъ сшибъ.

Луповицкій.

А, такъ онъ буянъ; тѣмъ лучше.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Слуга, потомъ Андрей.

Слуга.

Мужикъ пришелъ къ вамъ, ваше сіятельство.

Луповицкій.

Кто такой? впусти.

(*Слуга уходитъ; входитъ Андрей*).

Андрей.

Батюшка, ваше сіятельство!

Луповицкій.

Что тебѣ надобно? говори.

Андрей.

Я Андрей, батюшка, Андрей сирота.

Луповицкій.

Чегожъ ты хочешь?

Андрей.

Батюшка, ваше сіятельство! Вамъ вѣрно на меня ужъ онъ нажаловался, вашъ служитель то есть. Я,

говоритъ, ужъ сдѣлаю, что тебя въ солдаты отдадутъ. Не погубите, ваше сіятельство.

Луповицкій.

Мой любезный, кого отдать въ рекруты, — это я предоставилъ всѣмъ крестьянамъ, всему міру, какъ вы говорите.

Андрей.

Коли что міръ рѣшитъ, такъ тому и быть; такъ ужъ идти въ солдаты по мірскому приговору, по правдѣ, а не по наговору.

Луповицкій.

Чегожъ ты боишься?

Андрей.

Да вотъ чего, батюшка: что онъ васъ на меня напраслиной прогнѣвалъ. Ужъ коли велитъ міръ, или хоть бы за вину какую вы, батюшка, отдали, — такъ тому и быть; да чтобъ только напраслиной въ солдаты не пойти. Можетъ, міръ другаго назначитъ, а скажутъ: да вотъ Андрюха озорникъ, — такъ его. Вотъ, батюшка, чего я боюсь.

Луповицкій.

Я точно слышалъ, что ты буянъ и озарникъ; но я васъ мало знаю, и потому, кого вы всѣ отдадите, тотъ и пойдетъ; но ужъ конечно я за тебя не заступлюсь. Какимъ это образомъ ты побилъ моего камердинера?

Андрей.

Виноватъ, ваше сiятельство; вотъ какъ дѣло было. Какъ велѣли вы, батюшка, хороводъ водить, — вотъ мы и собрались, и парни и дѣвки. Отколь ни возмись вашъ камардинъ, и пошелъ приставать къ Парашѣ. Она отъ него прочь, чуть не плачетъ; а онъ все къ ней, такъ и лезетъ. Я говорю ему: отстань, не замай нашихъ, полно молъ нахальничать, — куда! онъ еще пуще. Не пущу, говоритъ, въ хороводъ; схватилъ ее, да и потащилъ. Ну я, — виноватъ ваше сiятельство, — ударилъ его маненько; онъ съ ногъ и упалъ. Вотъ какъ дѣло было, ваше сiятельвство.

Луповицкiй (*камердинеру*).

Дерзкой, что я тебѣ говорилъ? Я говорилъ тебѣ, чтобъ ты былъ, какъ можно вѣжливѣе съ крестьянами. Не помнишь? — Ты смѣлъ дѣлать такiя безчинства? Ты, мой камердинеръ?

Жеромъ.

Да вѣдь, ваше сiятельство, они необразованные.

Луповицкiй.

Скотъ, оселъ! Вонъ съ глазъ моихъ! (*Ходитъ по комнатѣ*). Любезный другъ! Камердинеръ мой кругомъ виноватъ. Я повторяю тебѣ, что сказалъ и прежде: кого мiръ отдастъ въ солдаты, того и я. Если отдадутъ тебя, мнѣ будетъ очень жаль, но дѣлать нечего; по крайней мѣрѣ ты пойдешь, конечно,

не по напраслинѣ и не по наговору, а какъ рѣшитъ міръ. (*Андрей кланяется*). Ну ступай. — Постой. Какая это Параша? Когда я пришелъ пѣшкомъ въ деревню, я видѣлъ двухъ крестьянокъ; одна изъ нихъ Параша, кажется; такъ не знаешь ли, не та ли?

Андрей.

Та самая, батюшка.

Луповицкій.

Хорошо, ступай. (*Андрей уходитъ*). Какова скотина мой камердинеръ! И какой славный народъ эти крестьяне! они, которые работаютъ на насъ, и на этаго негодяя также. — Этотъ Андрей! Славный, благородный поступокъ. — А! Параша! та самая! Они любятъ другъ друга, — а конечно, онъ пойдетъ въ солдаты. Жаль; я не могу и не хочу нарушить своего слова, — а очень жаль. — Мнѣ надобно пройтиться; сегодня я много узналъ.

(*Перемѣна декораціи*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Декорація перваго дѣйствія.

Крестьяне (*собираются на сходку*).

Староста.

Ну рѣшайте: кого отдать въ рекруты?

Ермилъ.

Андрюху отдать; кого же другаго.

Многіе.

Андрюху, Андрюху.

Прохоръ.

Да на что же Андрюху-то?

Ермилъ.

Да кому же его жалѣть? Некому. Андрей вѣдь сирота. Ну такъ вѣстимо его.

Многіе.

Ну да.

Прохоръ.

Сирота? — постойте, не шумите; дайте слово сказать; а тамъ пусть міръ и разсудитъ. Вы хотите Андрюху отдать; онъ, дескать, сирота. — Такъ это, выходитъ, отдаемъ мы въ солдаты безпомощнаго да беззащитнаго. Сиротство-то его, выходитъ, мы ему въ вину ставимъ. — Такъ ли? А? Подумайте. Не грѣхъ ли это будетъ? Виноватъ ли онъ, что сирота? — Что некому за нимъ поплакать, да поскорбѣть: такъ вѣдь онъ и самъ тому не радъ; вѣдь его горе — сиротството; а тутъ мы къ горю да еще горе на него навалимъ. — Такъ что ли? Нѣтъ, братцы; грѣхъ будетъ міру сироту обидѣть; передъ Богомъ грѣхъ; онъ плакаться на насъ Богу будетъ. — Ужъ если нѣтъ у него ни роду, ни племени, не-

кому заступиться, — такъ міръ ему заступникъ. Вотъ по моему какъ.

Ермилъ, (*послѣ молчанія*).

Дѣло сказалъ, Прохоръ Игнатьичъ!

Семенъ.

Спасибо, что вразумилъ.

Многіе.

Грѣхъ будетъ сироту обидѣть. Грѣхъ будетъ Андрюху отдать.

Прохоръ.

Ну какъ же? Всѣ что ли согласны? Кто сироту обидѣть захочетъ?

Всѣ.

Ну да никто.

Прохоръ.

Такъ мы Андрюхи не отдадимъ.

Семенъ.

Не отдадимъ, и толковать нечего.

Прохоръ.

Староста, ты какъ?

Староста.

Да и я тоже; дѣло видимое.

Прохоръ.

Кого же отдадимъ?

Ермилъ.

Да теперь другаго дѣлать нечего, какъ: такъ: у кого больше сыновей.

Семенъ.

У кого больше сыновей, — дѣло.

Прохоръ.

За провинность отдать некого, — такъ на томъ положить надо, у кого больше сыновей.

Семенъ.

Староста, у тебя больше всѣхъ: у тебя четверо сыновъ.

Староста.

Четверо.

Прохоръ.

Ну не погнѣвайся, Антонъ Гаврилычъ; твоего надо сына отдать, меньшаго, Ивана; онъ не женатый. Что жъ молчишь?

Староста.

Да что говорить-то; сами знаете, каково.

Прохоръ.

Ну да какъ же?

Староста.

Ну да коли рѣшили, — дѣлать нечего.

Семенъ.

Такъ вели подводу готовить; да ступай, докладывай барину.

(*Молчаніе*).

Ермилъ.

Эхъ, братцы! Жаль старосту. Смотрите: какъ въ воду опущенный, стоитъ. Помилуемъ его; онъ давно служитъ намъ, хорошо служитъ.

Семенъ.

Да что же, перерѣшать-то все!

Ермилъ.

А чтожъ, криво-то рѣшить, развѣ лучше?

Семенъ.

Чего тутъ криво! Сказано у кого больше сыновъ, и дѣло съ концомъ. Ну, а коли старостѣ пришлась, такъ чтожъ; такая его судьба, не мы виноваты.

Филиппъ.

Да ты полно горланить, слушай.

Семенъ.

Чего слушай! — Ты то что несешь? Туда же: Жди тутъ правды отъ потатчиковъ!

Ермилъ.

Эка вретъ! Да кто потакаетъ-то? — Не потакаютъ, а за его къ намъ службу милуютъ.

Семенъ.

Не намилуешься этакъ. Отдать старостина сына, и кончено!

Ермилъ.

Да слушай!

Семенъ, (*во все горло*).

Да чето тутъ!

Ермилъ.

Чего тутъ! — Я вѣдь знаю, куда ты гнешь. Самъ тройникъ; о себѣ думаешь; себя выгораживаешь.

Семенъ.

Нѣтъ врешь, не себя, а по правдѣ такъ.

Ермилъ.

По правдѣ, — полно такъ-ли?

Семенъ.

Да такъ! Братцы, вѣдь дѣло я говорю?

Многіе.

Нѣтъ, не дѣло.

Нѣкоторые.

Нѣтъ, дѣло.

Филиппъ.

Кого другаго, а Антона Гаврилыча помиловать бы можно.

Шумъ и громкія рѣчи).

Ермилъ.

Стойте! Что орать-то безъ толку? Ну вотъ Прохоръ Игнатьичъ; онъ молчитъ. Вы знаете его; душой ужъ не покривитъ, и себя не пожалѣетъ, такъ ли?

Всѣ.

Такъ, что и говорить, знаемъ.

Ермилъ.

Ну такъ пусть будетъ, какъ скажетъ Прохоръ Игнатьичъ, — хотите?

Всѣ.

Ну хорошо, чтобъ ужъ розни не было.

Ермилъ.

Прохоръ Игнатьичъ, скажи слово.

Прохоръ.

Ужъ если, братцы, вамъ такая благая мысль пришла, что старосту помиловать, — такъ это дѣло будетъ доброе. Жаль Антона Гаврилыча. Что жъ, сдѣлали одно хорошое дѣло, сдѣлаемъ и другое. Вѣдь всѣ мы Антономъ Гаврилычемъ довольны?

Всѣ.

Всѣ довольны, говорить нечего.

Прохоръ

Ну такъ за его къ намъ службу, помилуемъ его, и сына у него въ рекруты не возмемъ.

Всѣ.

Ну, такъ тому и быть.

Прохоръ.

Антонъ Гаврилычъ, міръ тебя милуетъ.
(*Антонъ кланяется*).

Филиппъ.

Такъ опять кого же, братцы?

Ермилъ.

Да чего тутъ кого? — Двухъ помиловали, такъ ужъ и другихъ не обижать. — Возьмемъ рекрутскую квитанцію.

Филиппъ.

А гдѣ ты ее возьмешь?

Ермилъ.

А у помѣщика Сквалыгина; у него есть завалящая, старая, я знаю.

Прохоръ.

А много ль стоитъ?

Ермилъ.

Оно не мало; да ужъ братцы, чтобъ никому горя не было, возьмемъ.

Прохоръ.

Да сколько, ты скажи?

Ермилъ.

Восемьсотъ цѣлковыхъ.

Семенъ.

Охъ, многонько.

Прохоръ.

Разложимъ по тягламъ. Чтожъ, будетъ въ моготу. Возьмемъ! Пусть ужъ, въ правду, никому обидно не будетъ.

Филиппъ.

Троихъ ужъ отдали; тѣ по винамъ пошли, тѣхъ и не жалко; а теперь такихъ у насъ нѣтъ: и въ правду, — возьмемъ квитанцію!

Семенъ.

Ну возьмемъ, такъ возьмемъ!

Филиппъ.

Ужъ коли пошло на милость, такъ чтобъ ужъ никому обидно не было.

Староста.

А я, коли міръ позволитъ, за одного себя сто цѣлковыхъ внесу.

Ермилъ.

Вонъ видите, староста сколько даетъ. — Такъ возьмемъ ужъ квитанцію.

Многіе.

Ну возьмемъ, возьмемъ! Мы не прочь, мы соглсны всѣ.

Прохоръ.

Стало, дѣло порѣшили.

Всѣ.

Порѣшили.

Прохоръ.

Ну Антонъ Гаврилычъ, ступай же теперь къ барину и доложи; а подвода не понадобится.

Староста, (*подходитъ къ крыльцу. Слугѣ стоящему у дверей*).

Доложи барину, что стороста пришелъ.

Ермилъ (*Семену*).

Что, братъ, думалъ, у міра милости не хватитъ, — хватило знать.

Семенъ.

Ну правда; что́ говорить.

Ермилъ.

То-то, братъ; міръ — великъ человѣкъ.

Луповицкій (*выходитъ на крыльцо*).

Ну что, ну что, мой любезный Антонъ? Рѣшили?

Староста.

Рѣшили, батюшка.

Луповицкій.

Кого же? Андрея конечно; это хоть и жаль, но основательно.

Староста.

Нѣтъ, батюшка; Андрея не отдали.

Луповицкій.

Нѣтъ? Отчего же?

Староста.

Міръ сказалъ, что грѣхъ будетъ сироту оби-

дѣть; сиротство не вина какая, а горе: такъ ужъ за горе въ рекруты отдавать не приходится; — что ужъ коли некому за него заступиться, такъ міръ ему заступникъ. — Такъ и рѣшили, и не отдали.

Луповицкій.

Постой, постой! Некому заступиться, такъ міръ заступникъ.... mais c'est sublime, c'est beau, ça! Кого же отдали? Разскажи, прошу тебя, послѣдовательно.

Староста.

Сказалъ міръ потомъ, что взять у того, у кого больше сыновъ. Ну и приходилось мнѣ сына отдать; у меня четверо.

Луповицкій.

Чтожъ ты?

Староста.

Да я ничего, батюшка; чтожъ я? — Не мое дѣло. — Тутъ и сказали въ міру, что Антона Гаврилова жаль, что мы-де имъ довольны, помилуемъ его. Ну міръ и сказалъ: пусть будетъ такъ, и меня помиловалъ.

Луповицкій.

C'est de la clémence. C'est touchant. — Дальше.

Староста.

Ну потомъ сказали въ міру, что ужъ коли двухъ помиловали, ужъ коли на милость пошло, такъ помилуемъ и другихъ, чтобъ нукому обидно не было; — возьмемъ рекрутскую квитанцію: есть одна старая, завалящая, у помѣщика Сквалыгина. Спросили: что

стоитъ; сказали: восемь сотъ цѣлковыхъ. Міръ подумалъ и рѣшилъ: взять квитанцію и деньги внести.

Луповицкій.

Это, это такъ высоко, такъ возвышенно... я не нахожу словъ. — О, какое милосердое рѣшеніе! Да, по истинѣ высоко. — Вѣдь это деньги большія?

Староста.

Не малыя деньги, ваше сіятельство.

Луповицкій.

Кто же заплатитъ? — Вы?

Староста.

Весь міръ, батюшка; на мірскія деньги.

Луповицкій.

Удивительно! Превосходно! О, друзья мои, вы хорошій народъ, вы умный народъ, прекрасный народъ. Quel peuble! (*слугѣ*). Бѣги и позови сюда Андрея и Парашу, да сію минуту.

Староста.

Такъ что жъ, батюшка, вы на мірское рѣшенье скажете?

Луповицкій.

Я и заранѣе сказалъ, что я буду съ міромъ согласенъ. — А теперь, друзья мои, я не только согласенъ, я вамъ очень благодаренъ, за то, что вы мнѣ подали такой прекрасный примѣръ, показали такую возвышенность. (*Обращаясь къ крестьянамъ*). Міръ! Я согласенъ на ваше рѣшенье! Сверхъ того

примите изъявленіе моего искренняго уваженія! (*въ сторону*). Какъ бы мнѣ хотѣлось заплатить половину суммы; но право не знаю, какъ сказать, — совѣстно; боюсь ихъ обидѣть. Il est imposant ce міръ. Нѣтъ ужъ лучше такъ оставлю; потомъ, при случаѣ, сдѣлаю для нихъ разныя облегченія. — Любезный Антонъ, у меня есть до тебя просьба; надѣюсь, что ты ее исполнишь. (*сходитъ съ крыльца*).

Староста.

Что прикажете, батюшка?

Луповицкій.

Что ты скажешь объ Андреѣ? Вѣдь онъ хорошій малый.

Староста.

Добрый и работящій; славный малый.

Луповицкій.

Ну смотри же, исполни, о чемъ я тебя буду просить. (*входитъ Андрей и потомъ Параша, съ разныхъ сторонъ*). Вотъ и онъ. Андрей! Я скажу тебѣ радость: въ рекруты нейдешь ни ты, и никто.

Андрей и Параша (*только что вошедшая Они стоятъ поодаль другъ отъ друга*).

Слава тебѣ, Господи!

Луповицкій.

Антонъ, любезный Антонъ! выслушай меня. Онъ (*указывая на Андрея*) любитъ твою дочь; онъ желалъ

бы на ней жениться; онъ боится только сдѣлать предложеніе; я узналъ все это случайно. — Теперь я самъ прошу у тебя отдать ему руку твоей дочери; я увѣренъ, что она не откажетъ.

Староста.

Да какъ же это, батюшка? — Андрей! ты свататься хотѣлъ?

Андрей.

Хотѣлъ, Антонъ Гаврилычъ, да вотъ некрутство-то было помѣшало.

Староста.

И теперь сватаешься?

Луповицкій.

Я за него прошу тебя, любезный Антонъ; вѣрно Параша согласится.

Староста.

Не въ ней пока дѣло, батюшка. — Малый ты хорошій Андрей, и добрый, и не лѣнивъ. Да вотъ и Богъ тебя сегодня помиловалъ. Ну да вотъ и князю такъ угодно, — присылай сватовъ.

Луповицкій.

Ты согласенъ, — очень, очень радъ. Андрей, Параша! *оба подходятъ*). Дайте руки другъ другу. (*они не даютъ*).

Староста.

Погоди, батюшка, не погнѣвайся; у насъ такъ не водится: она еще не просватана.

Луповицкій.

А, это старые ваши обычаи: — такъ, такъ; я ихъ уважаю. Любезный Антонъ, друзья мои! вы можете теперь идти. Благодарю васъ за истинно прекрасныя минуты, которыя вы мнѣ доставили. Я намѣренъ дать вамъ хорошій праздникъ.

Крестьяне.

Спасибо, батюшка, много довольны; спасибо, прощенья просимъ. (*Кланяются и уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Луповицкій (*одинъ*).

Я сегодня очень доволенъ; сегодня прекрасный для меня день. Міръ познакомилъ меня съ собой своимъ возвышеннымъ, истинно благороднымъ поступкомъ. Я уѣду отсюда съ большимъ почтеніемъ къ народу. Je vous estime, monsieur le peuple! Прекрасный, превосходный, высокій поступокъ! — Et moi, j'ai fait aussi quelque chose, — oui, j'ai fait pourtant deux heureux!

Конецъ втораго и послѣдняго дѣйствія.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

